

личности. Пока психолог ориентируется на нормы поведения, навязанные обществом, и рассматривает их как личностные характеристики, он не проникнет за фасад социального конформизма и культурной однородности и не поймет, что такое истинная личность.

Перевод Л.А.Мостовой

Дж.Г.МИД

ФИЛОСОФИЯ АКТА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА *

А. Стадия импульса

1. Восприимчивость как функция реакции

Всякая перцепция включает в себе непосредственную чувственную стимуляцию и установку по отношению к этой стимуляции, которая есть установка реакции индивида на данную стимуляцию. Эта реакция, поскольку перцепция не перерастает в немедленную внешнюю активность, проявляется в сознании только как установка, но, будучи таковой, представляет собой первую стадию в полной реакции или группе реакций, которую рассматриваемая стимуляция вызывает. Кроме того, эту установку реакции сопровождает некоторый мысленный образ, взятый из прошлых опытов, в которых данные реакции осуществлялись, приводя к конечным переживаниям, к которым ведет естественным образом такая стимуляция. Иначе говоря, перцепция как таковая включает в себе не только установку реакции на стимул, но и мысленный образ результата данной реакции. Следовательно, перцепция содержит все элементы акта: стимуляцию; реакцию, которая представлена установкой; и следующее за реакцией конечное переживание, которое представлено мысленным образом, возникающим из прошлых реакций.

Перцепцию, между тем, нельзя рассматривать просто с точки зрения представленности, или присутствия материала. Даже взятая сама по себе и независимо от связи с последующим движением, она есть процесс чувственного восприятия (sensing), протекающий в указанных выше условиях — условиях сознательной установки реакции и представления в воображении результата этой реакции. Процесс чувственного восприятия сам является активностью. Наиболее очевид-

* Перевод выполнен по изданию: Mead G.H. The Philosophy of the Act. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 3–25. Пер. В.Г.Николаева.

Мид Джордж Герберт (1863–1931) — американский философ, социолог и социальный психолог, основоположник интеракционизма в социальной науке.

но это в случае зрения. Здесь движение зрачков, фокусировка хрусталика и совмещение линий зрения двух глаз требуют сложной активности, которая еще более усложняется движениями глаз, собирающими лучи света, исходящие от всех частей предмета, в центр наиболее ясного видения. Процесс восприятия предмета глазами (а его можно назвать нормальной перцепцией, ибо наше восприятие посредством других органов чувств в значительной мере опосредовано зрительными образами) является, таким образом, очень сложной активностью. Восприятие с помощью руки тоже включает в себя аналогичное движение — поисковые процессы активности руки и пальцев и движения кожи. Слушание включает в себе, по меньшей мере, фиксацию головы (и всего тела как базиса движения головы) и иннервацию крохотных мышц, натягивающих барабанную перепонку. Обоняние включает доставку воздуха на обонятельные поверхности с помощью процессов дыхания, а также приведение головы в такое положение, которое делает обоняние наиболее эффективным. Оpozнание вкуса, поскольку его следует отличать от тактильного восприятия, включает в себе приведение жидкостей рта в постоянно меняющийся контакт со вкусовыми почками посредством процессов разжевывания.

При нормальном восприятии, однако, все процессы слушания, обоняния, опознания вкуса и ощущения температуры соотносятся с некоторым зрительным представлением, служащим источником стимуляции других органов чувств. В случае людей, слепых от рождения или утративших зрение, образами, с которыми соотносятся звуки, запахи, вкусы, температурные и осязательные ощущения, становятся образы слуха, осязания и, в некоторой степени, ощущения температуры, которые обнаруживают присутствие объекта на расстоянии. Чувствование объекта как размещенного таким образом, что организм принимает по отношению к нему определенную установку, заключающую в себе возможное движение к объекту или от объекта, является, таким образом, частью процесса восприятия.

Помимо этого, приспособление организма к стимуляции, равно как и движение тела и его органов чувств, обеспечивающее наиболее благоприятное продолжение процессов стимуляции, включает в себя анализ этой стимуляции. За каждым новым содержанием стимуляции кроется иная установка реакции, интерпретирующая эту сторо-

ну стимуляции, и вокруг этих новых установок группируются образы прошлых переживаний, сопровождавших такие реакции. Связь этих образов с аналитическими процессами восприятия представляет для нас особый интерес. Это область избирательного внимания, и тут мы замечаем, что в данных обстоятельствах мы не просто подвергаемся новым стимуляциям, но в нас присутствует установка смотра, осязания, обоняния или опознания вкуса, которая активно вычленяет из поля стимуляции определенные качества. Механизм этого отбора часто проявляется в предвосхищающем представлении важного объекта, причем вовсе не обязательно сознательном. Они очевиднее всего тогда, когда мы намеренно выискиваем какой-то объект, когда мы вылавливаем из шума какой-то звук или вынюхиваем какой-то запах, который можем в какой-то степени определенно представить в сознании.

Между такими сознательно узнаваемыми образами и установкой голода, когда физиологические условия предрасполагают систему быть восприимчивой к определенным стимуляциям, может быть множество промежуточных звеньев. В обычном восприятии это легче всего определить как сознание знакомства с теми качествами, которые выхватываются нашим процессом чувственного восприятия. С одной стороны, это знакомство может выглядеть совершенно пассивным и просто регистрирующим тот факт, что мы готовы реагировать на эти аспекты стимуляции; с другой стороны, этот процесс становится активным, когда мы находимся в состоянии, которое обычно называем «любопытством». Специфика любопытства обнаруживается не просто в беспокойном процессе восприятия, а в возбуждении реакций системы на полученные стимулы. Жажда новизны никогда не бывает просто готовностью получить новый стимул или просто поиском нового стимула. Новизна — это всегда мода, некоторого рода причуда, предполагающая вполне определенный отбор. Самую поразительную иллюстрацию этого можно найти в сравнительной узости тем, вокруг которых крутятся газетные сенсации. Ничто так не поражает человека, который предполагает, что мы питаем любопытство просто к новизне, как скудный перечень сюжетов, признаваемых опытным газетчиком обладающими качеством новости. Мы жалуемся отнюдь не на богатство материала, представляемого нам нашими сенсационными газетами, а на нагоняющую тоску череду сообщений об убийст-

вах, скандалах и угрозе войны, отвечающую, как полагают, вкусам массовой публики.

Свежие стимуляции, лишь немного отличающиеся по своей природе от тех, к которым публика привыкла, нужны, но область, в пределах которой можно искать эти стимуляции, удручающе узка и ограничена. Объяснение этому можно найти в том физическом состоянии, в котором стимулируются некоторые типы реакций, делающие читателя посредством их возбуждения особенно восприимчивым к стимулу, который будет вызывать эту реакцию. В то время как конкретное содержание этой стимуляции вскоре теряет свою способность отвечать этой установке готовности к реакции, сам тип этой реакции остается тем же самым, и индивид жаждет новой формы возбуждения такого же рода реакции. Психология скуки и пресыщенности, становящихся обременительными, обнаруживается в возбуждаемости особых типов реакции и утомлении теми конкретными стимуляциями, которые прежде их пробуждали. К чему стремятся в таких условиях, так это к новизне в форме стимуляции, а вовсе не к новизне всей деятельности в целом.

2. Проблематичная ситуация

Ситуацией, из которой проистекает затруднение, или проблема, является недостаток взаимоприспособленности между индивидом и его миром. В этом случае реакция не отвечает тем требованиям, которые дали стимулу его власть над организмом. Объект наличествовал для индивида, но, став проблемой, перестал быть тем объектом, которым он был. Свойства, качества, присутствовавшие как объект, ввиду того, что они не соответствуют реакции, отсылаются к индивиду — уже как причастному объекту. Вместе с тем объект отличается для каждого индивида в зависимости от его перспективы и его возможности отреагировать на этот объект. Существуют определенные ценности (*values*), выбираемые из объекта не только чувственными средствами доступа к нему, но также прошлым переживанием этого объекта индивидом. Даже восприятие в непосредственном опыте отличает индивида от других индивидов и от того же самого индивида в других условиях. Таким образом, любой объект всегда является выражением особенной связи между ним самим и индивидом, но это связь объективная. Характер индивида отбирает из объекта то, что

отвечает природе индивида в его наличной установке; этот отбор протекает в соответствии с его непосредственной восприимчивостью и его опытом. Качества, не вызвавшие надлежащей реакции, и качества, которые были обнаружены в объекте как что-то, что должно было бы соответствовать этой приостановленной реакции, — сохраняются и, с появлением Я, соотносятся с этим Я.

Иначе говоря, для того, что соотносится с Я, то есть для того, что пребывает в разуме, характерно, что это не вещь, хотя и имело прежде качество вещи. Оно не вызвало реакцию, которая накладывает на переживания печать реальности. Оно могло бы исчезнуть и в самом деле, по-видимому, исчезает в опыте низших животных, в то время как происходит переприспособление методом проб и ошибок.

То, что оно не исчезает в поведении (*conduct*) человеческого животного, является достаточным доказательством того, что его удержание в опыте служит какой-то задаче или, по крайней мере, приносит какое-то благо. Его новая функция находит отражение в установке, принимаемой по отношению к нему, в отличие от установки, принимаемой по отношению к вещам. Установка и все формы, называемые разумными, которую мы принимаем по отношению к вещам, — это установка внешней (*overt*) или отсроченной реакции. Установка, которую мы принимаем по отношению к содержаниям разума в их связи с миром, — это установка объяснения. С точки зрения будущего поведения (*conduct*) объяснение есть такая реконструкция объекта, вызвавшего проблематичную ситуацию, благодаря которой эта неудача может быть избегнута в будущем. Иначе говоря, объяснение — это замена объекта, засвидетельствовавшего свою нереальность в ходе экспериментальной проверки в поведении, другим объектом, с которым мы будем находиться *en rapport*. Цель этой реконструкции: выявить другие аспекты объекта, существующие наряду с теми, которые привели к неудаче, и так их скоординировать, чтобы торможение, бывшее свидетельством неудачи, могло прекратиться, а действие могло быть продолжено.

Способ реконструкции состоит в соотношении аннулированных аспектов объекта с индивидом в форме Я. Это может иметь место только тогда, когда индивид стал объектом для самого себя благодаря употреблению тех действий, которые могут быть направлены на самого него так же, как и на других, и лишь постольку, поскольку индивид

действует по отношению к самому себе как другому, то есть принимает роль другого по отношению к самому себе. Здесь скрыто подразумевается, что в переживании индивидом все, что не является объектом, должно относиться к индивиду. Именно появление Я делает возможным осуществление этой импликации. Индивид как Я может свидетельствовать самому себе свое видение объекта в некоторой перспективе, тогда как этот объект действительно находится на другом расстоянии. Таким образом, ложное качество объекта обретает свое местоположение и название как переживание индивида, а истинные качества (characters), те, что удостоверяются успешным поведением, размещаются при этой рефлексивной установке как относящиеся к самому объекту. Восприятие реорганизует объект так, чтобы это позволило индивиду с обеими тенденциями (реагировать неуспешно и успешно) продолжать действовать, то есть превращается в задачу так заранее предусмотреть объект, чтобы это позволяло поведению продолжиться. Эта установка несет с собой импликацию, что нечто, бывшее нереальным, благодаря реконструкции может стать реальным. Как нереальное, это просто переживание индивида; как реальное, оно становится частью объекта.

Б. Стадия перцепции

1. Перцепция

Перцепция — это связь между высокоразвитым физическим организмом и объектом, или средой, в которой выделяются посредством отбора некоторые элементы. Эта связь включает в себе временную протяженность и процесс. Процессом является действие с помощью посредников (media), которые оказывают воздействие на органы чувств биологического индивида. Он занимает некоторое время, и воздействие на организм осуществляется позднее, чем происходит возбуждение посредника, и еще позднее, чем объект оказывает влияние на этот посредник. Обычная интерпретация этого суждения отождествляет перцепцию с воздействием (effect), локализованным внутри организма, рассматривая эти телесные воздействия как обозначающие те вещи, которые опосредованно их вызвали, и обосновывая эту значимость тем фактом, что любые объект или событие, например организм, обозначают всю остальную природу и, следовательно, кон-

кретные объекты, втянутые в процесс перцепции; отбор данного конкретного объекта обусловлен восприимчивостью организма к указанной связи, одно из проявлений которой обнаруживается в нервном возбуждении внутри организма.

Это чрезвычайно сжатое положение предполагает природу, которая дана постольку, поскольку все объекты, возбуждающие активность в посредниках, органы чувств, центральная нервная система и моторный аппарат реакции находятся в сфере опыта. Все это предпосылки для аналитического разложения перцепции на эти части. Воспринимаемый стул не оказывается в наличии до тех пор, пока не оказано влияние на посредник, или пока не возникают волнения в этом посреднике. Все указанное выше присутствует одновременно, что существенно важно для объяснения, связывающего последовательные стадии перцепции. Даже объекты, находящиеся вне радиуса непосредственного опыта, вовлекаются в эту область путем такого расширения данной области, при котором они расцениваются как одновременно наличные, и это служит основой для объяснения нашего знания о них. Что содержится в объяснении, так это приведение в связь объектов, все из которых находятся в наличии. Даже в том случае, когда нужно объяснить некий процесс, объекты, связанные в этом процессе, наличны для наблюдения, которое их объясняет. То есть перцептуальные объекты в целях объяснения перцепции полагаются как данные.

Тогда очевидно, что объяснение, которое дается, — это не объяснение тех перцептуальных объектов, которые используются в объяснении перцепции. Скорее, при исходной данности мира перцептуальных объектов мы определяем, каковы те особые условия, при которых определенная перцепция имеет место. Правда, любой объект перцепции, являющийся частью этого перцептуального мира, мог бы подлежать подобного рода объяснению, или, скорее, мы могли бы установить условия, при которых любой перцептуальный объект может оказаться в наличии. Однако, высказывая такое суждение, мы должны заранее предположить перцептуальный мир, в пределах которого это объяснение имеет место. Это равносильно тому, что так называемое объяснение, или утверждение об условиях перцепции, не есть сама перцепция: утверждение об условиях перцепции не может занять место перцептуальных объектов. Анализ с его суждениями аб-

страгируется от конкретной перцепции и оставляет нас, стало быть, без этого конкретного объекта перцепции. Он, между тем, существует в терминах других перцептуальных объектов.

Кроме того, высказанное положение предполагает, что объяснение, или утверждение об условиях перцепции, является на самом деле утверждением о методе открытия того, что есть действительный объект перцепции. Оно не может быть теорией перцепции, ведь для того, чтобы можно было установить теорию, нам нужно допустить существование объектов перцепции; не может оно быть и объяснением перцепции конкретного объекта, так как любое объяснение отдельного акта было бы также объяснением любого и всех актов перцепции. Чего мы действительно достигаем, выдвигая такое утверждение об условиях перцепции конкретного объекта, так это того, что оно позволяет нам идентифицировать специфический объект и определить, какова природа этого воспринятого объекта. Для этого мы отвлекаемся от свойств, которые внутренне присущи конкретным объектам и их ситуациям, и сосредоточиваем внимание на том, что единообразно во всех объектах и во всех процессах перцепции. Это дает нам возможность идентифицировать объект перцепции в его связи со всей областью восприятия и объяснить такие иллюзии чувственного восприятия, как, например, отраженные или преломленные объекты.

2. Чувственные качества вещей

Наивно мыслящий человек не видит никакого противоречия в том, чтобы рассматривать красный цвет как качество объекта для нормального глаза, а желтоватый оттенок — как качество того же объекта для глаза дальтоника. В обоих случаях цвет полагается как качество объекта, хотя здесь, по-видимому, имеет место приписывание двух разных качеств одному и тому же объекту, причем качеств, которые исключают друг друга. Объясняя это кажущееся противоречие, индивид может сослаться на разницу в зрении этих двух глаз, тем самым подразумевая, что рассматриваемое качество заключает в себе структуру объекта, прохождение световых волн и реакцию организма. Это объяснение не делает качество связью. Оно просто предполагает, что область, внутри которой возникает это качество, не ограничивается структурой объекта, а претерпевает достаточное расширение, вследствие чего включает посредника и подвергается воздействию орга-

низм. Оно определяет качество как связь несколько не больше, чем признание того, что в структуре объекта имеются части, связанные друг с другом как условия существования цвета.

Тождество объекта, имеющего эти изменчивые качества, связано с наличием некоторых идентичных качеств, особенно качеств пространственно-временного положения и качеств, данных в переживании контакта. Задачей такой идентификации объекта как одного и того же в опыте обоих индивидов, нормального и аномального, будет установление оснований для цветовых различий в терминах тех качеств, которые идентичны. Описывать аномальное зрение должна та же теория, которая описывает зрение нормальное, но такая теория отрывает желтый или красный цвет от объекта несколько не больше, чем помещение цветных стекол между объектом и глазом лишает объект цвета.

Вопрос о том, обладает ли определенный объект определенным цветом (или любым другим качеством) или не обладает, возникает только в том случае, когда поведение, вызываемое качествами объекта, достигает или не достигает успешного завершения. Вплоть до этого момента объект, как он существует в сложной ситуации, включающей в себя сам объект, посредника и организм, просто присутствует и является тем, что он есть. Если цвета и резкость очертаний приводят к двадцатиминутной экскурсии к горе, находящейся на расстоянии десяти миль, мы считаем восприятие обманчивым, не ставя под сомнение тот факт, что в сложной ситуации объекта-и-организма такой объект наличествовал вместе со всеми своими качествами. Если неспособность отличить цвета двух объектов, которые для зрения других являются разными, приводит индивида к осознанию того, что его зрительный аппарат отличен от зрительного аппарата других, то он не ставит под сомнение, что в его ситуации объект наличествовал вместе с тем особым оттенком, который он распознал. В каждом из этих случаев делается вот что: берутся качества, остающиеся в силе для непосредственного восприятия и для последующего поведения, для зрительного аппарата его и других, и производится идентификация объекта. Если при этом могут быть непротиворечиво установлены условия для разных качеств, приписываемых одному и тому же объекту, то принимается в расчет вся ситуация в целом.

Только когда возник этот вопрос, в качестве элемента опыта является знание как таковое. В противном случае перспективой индивида остается всего лишь наличествующая реальность. Такая выборка качеств, идентичных или почти идентичных для всего опыта, а также идентичных для всех индивидов, дает нам научный объект. Она конституирует объект знания. Непосредственная же перцепция просто наличествует и не становится объектом осознания или знания, если только не возникнет какой-нибудь вопрос, касающийся поведения или согласия с перцепциями других, который заставит нас над нею задуматься. Следует, кроме того, заметить, что весь метод и аппарат научного анализа и эксперимента предполагает существование не подвергаемого сомнению мира восприятия, окружающего и удостоверяющего результаты научной процедуры.

3. Реальность объекта в перцепции

Объект в перцепции — это объект, находящийся в некотором отдалении. Он приглашает нас к действию по отношению к нему, и это действие приводит к результатам, которые, как правило, завершают акт как некое биологическое предприятие. Это вовсе не обязательно предполагает прошлый опыт. В случае маленьких детей и некоторых низших животных форм, особенно насекомых, действия, к которым подталкивает перцепция, могут приводить к успешным результатам, которые могли не переживаться ранее в опыте.

Нам могут возразить, что эти перцепции, особенно осязательные, не являются отдаленными объектами. В ответ на это возражение мы говорим, что объект, воспринимаемый через переживание контакта, является таковым лишь постольку, поскольку он обладает очертаниями и положением по отношению ко всей среде в целом, придающей ему характер отдаленного объекта. Перцепция на расстоянии не обязательно является перцепцией видения или звучания. Она может быть даже перцепцией тактильного переживания и сопутствующих ему телесных переживаний. Например, в темной комнате человек может нащупать вытянутой рукой предмет мебели, столкновения с которым он, продвигаясь по комнате, желает избежать. Обнаруживать отдаленный объект может также тактильная реакция на потоки воздуха или перемену температуры. В любом случае, однако, воспринимаемый объект является неотъемлемой частью среды. Перцепция фоку-

сирует всю ее в этом объекте. Таким образом, тактильное переживание отдаленного объекта подстрекает к действию, которое обретает свою предполагаемую ценность в конечном переживании контакта. Кажущимся искомым опытом может не быть переживание контакта. Дело может обстоять так, что кажущееся удовлетворение от предполагаемого акта обнаруживается в выражении лица или звучании голоса. Тем не менее за этими перцептуальными переживаниями все-таки скрывается реальность, которая, будь она доведена до предела, потребовала бы действия, находящего кульминацию в переживании некоторого контакта. «Что собой представляет воспринятая вещь», выясняется только в переживании контакта, и именно переживание контакта является последним пределом в акте, начинающемся с переживания чего-то отдаленного, хотя это дистанционное переживание может обнаруживаться в работе любого органа чувств, даже в осязании.

Против нашего утверждения могут выдвинуть еще одно возражение: многие из переживаний в перцептуальной среде не являются переживаниями вещей в указанном здесь смысле. Можно слышать звук, улавливать запах или чувствовать температуру, которые никак не локализованы. Здесь мы, похоже, не имеем в перцепции определенного местоположения, на которое можно было бы нацелить возможное действие. А. Уайтхед не считал эти содержания перцепциями и говорил о них как о чувственных уверенностях (*awarenesses*). Я нахожу в этих переживаниях лишь неопределенность местоположения, но никак не отсутствие оно. Они все же принадлежат к перцептуальной среде и предполагают возможное местонахождение и отождествление с чем-то, что могло бы, если бы предполагаемое переживанием поведение было доведено до конца, ввести нас в контакт с тем, что должно быть реализовано в контактном переживании, пусть даже это были бы всего лишь определенные токи воздуха или парящие в атмосфере химические вещества. Разница тут лишь в степени определенности местоположения и неуловимости воспринимаемой вещи.

Существуют две разные установки, которые мы принимаем в отношении этих перцептуальных объектов как частей организованной среды. В установке непосредственного переживания видимый и, следовательно, осязаемый объект просто наличествует. В этом опыте индивид может видеть и ощущать части своего собственного организма, но лишь как части целостного перцептуального поля. В этом

непосредственном опыте дистанционные качества объекта не переводятся в термины контакта. Правда, реальность увиденного объекта будет, в случае необходимости, проверяться завершением актов, к которым побуждает перцепция на расстоянии; но когда объект действительно оказывается в руках, он не утрачивает тем самым своего цвета, запаха или звучания, и эти качества не переводятся в термины контакта. Если в сумерках кто-то хватается за смутно видимого друга, дабы удостовериться, что он здесь, цвет и форма одного не исчезают в контактном переживании. Также не будет он склонен приписывать то, что видел, какому-то процессу, происходящему в его нервной системе. Он понимает, что, дабы переживание произошло, глаза должны быть открыты, а рука должна находиться в действительном контакте, но этот факт не заставляет его локализовать переживание в сознании, находящемся в его голове или где-то еще. Воспринимающий индивид в своем опыте просто располагается в центре перцептуального поля, который, возможно, находится в циклопическом глазу, в гортани или в груди. Весь остальной организм является частью этого поля, которую он может видеть или чувствовать, но не является действительным центром перцепции. Реальностью объекта является то, что видится, слышится или осязается (действительно или в возможности), но сохраняет в перцепции все свои качества.

Вторая установка, установка рефлексивного анализа, расчленяет все поле [восприятия], в том числе организм, на физические элементы, которые могли бы предположительно быть объектами в гипотетической перцепции; иначе говоря, их качества местоположения, действительного занятия пространства, инерции и движения являются теми качествами, которые проявляются в действительном переживании контакта как конечная реальность объектов перцепции. На место цвета, звучания, запаха, вкуса, температуры и даже осязаемой поверхности объекта этот анализ ставит структуры и движения, не могущие быть ни одними из тех качеств, которые они призваны объяснить. Это верно даже для переживания контакта, хотя физические элементы, на которые этот анализ разлагает вещи, являются элементами переживания контакта. Действительным переживанием контакта не могут быть, однако, качества этих физических элементов, ведь их структура и движение суть предпосылки самого этого переживания.

В этих утверждениях таятся две импликации, которые нужно тщательно разграничить. Совершенно очевидно, что нечто, являющееся предпосылкой переживания, не может быть самим переживанием. Например, твердость камня можно назвать предпосылкой переживания этой твердости Джоном Смитом. Твердость, которую переживает Джон Смит, в некоторой степени отличается от твердости, которую переживает Джеймс Браун. В этом смысле цвет книги, каким он существует до того, как дойдет до глаз Джона Смита или любого другого человека, есть предпосылка его переживания в опыте. В этом смысле вполне возможно, что действительное занятие материей какого-то пространства, оказываемое ею сопротивление, ее инертность, ее подвижность — как мы переживаем эти качества — принадлежат материи, разделенной четче по сравнению с делениями, которые мы актуально переживаем или могли бы переживать, и эти частицы могли бы к тому же быть предпосылками существования физических тел, которые мы воспринимаем в опыте, а также предпосылками наших организмов, которые с необходимостью вовлечены в этот опыт.

Мы не могли бы воспринять качества материи, которые являются предпосылками того действительного опыта, который мы имеем. Во-первых, эти частицы материи с их свойствами должны наличествовать заранее, до нашего их переживания и даже до допущения воображаемого переживания этих частиц с этими же самыми свойствами, и, во-вторых, в каждом конкретном случае актуальное переживание этих качеств в некотором смысле отличается от переживания, которое мы могли бы иметь в любом другом случае. И все же мы могли бы приписать материи в ее более четких делениях, входящих в структуру тел, которые мы переживаем, и в структуру наших собственных тел, качества, которые мы приписываем материи в нашем действительном ее переживании. Из такого допущения исходит физик, когда думает, что прибавил электрон к капле масла. Он добавил инерции, увеличил объем целого, и мобильность целого вбирает мобильность этого электрона. Вторая импликация, неприменимая к этому случаю базовых свойств материи, состоит в том, что любое переживание на расстоянии является переживанием иного рода, чем переживание конечного контакта, и что конечную реальность переживания на расстоянии надо искать в реальности контактного переживания. Физическое объяснение так называемых вторичных качеств тел через их

первичные качества становится тогда не более чем конкретизацией критерия реальности, который мы можем применить к любой вещи, видимой на расстоянии, — критерия актуального манипулирования этой вещью. При разработке этого критерия мы проецируем суждение в категориях переживания контакта на дистанцированное тело и на те посредники, благодаря которым достигается связь тела и организма, получая тем самым точное научное суждение о контролируемых условиях, при которых возникает переживание на расстоянии.

Реальность дистантного переживания, переживаемого в отдалении объекта или его качеств как качеств отдаленного тела, не исчезает даже в этом рефлексивном анализе. Тест завершения акта вовсе не устраняет реальность тех качеств, которыми обладает объект на расстоянии.

Перевод В.Г.Николаева.

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Р.Э.ПАРК

ПО ТУ СТОРОНУ НАШИХ МАСОК*

Нынешние различия между Востоком и Западом связаны во многом с тем, что китайцы называют «лицом».

В первых переговорах Китая с Европой китайская дипломатия неизменно преисполнялась ощущением триумфа всякий раз, когда ей удавалось найти формулу, спасающую лицо Китая, и неважно, какими были при этом материальные потери. Однако последние контакты с иноземными дьяволами принесли Китаю такие потери, которые уже не могут быть оправданы никакими дипломатическими формулами. Шок и унижение от постоянно преследующих поражений находят свое отражение в нарастающей волне национализма.

Вся нынешняя ситуация, сложившаяся между Японией и Соединенными Штатами, точно так же является в значительной мере вопросом этикета. Япония проиграла сражение в Америке еще до принятия *Exclusion Law* 1924 года¹. Положение японцев в Америке было окончательно подорвано принятием закона об иностранцах. Мало того, под влиянием не утихающего общего возбуждения и агитации, социальный статус японцев в Америке неуклонно падал все ниже и ниже. Законодательство и судебные решения упорно работали против выходцев с Востока. Глубоководные течения и подспудные потоки общественных чувств, несмотря на все попытки уgomонить общественное мнение, неудержимо влекли японцев, проживающих в Соединенных Штатах, в своего рода расовое гетто, в котором до того нашли прибежище китайцы.

Тем временем на Тихоокеанском побережье постепенно складывалась новая каста — каста, в которой уроженцу Востока суждено было занять такое же определенное положение, какое в американском обществе занимает негр, который, хотя и считается по закону гражданином, в социальном плане является отверженным. Эти силы, кроющиеся в глу-

* Перевод выполнен по изданию: Park R.E. Behind Our Masks // Park R.E. Race and Culture (Collected Papers. Vol. I). Glencoe, Ill.: The Free Press, 1950. P. 244–255. Впервые очерк опубликован в Survey Graphic. Vol. LVI. 1926. P. 135–139.

¹ Exclusion Law, или Exclusion Act (букв. «закон об исключении») — закон об ограничении въезда в США и высылке из страны иммигрантов. — *Прим. перев.*

Роберт Эзра Парк (1864–1944) — американский социолог, глава научной школы по социальной экологии.